

Ковалёв А. В.

Белорусский национальный технический университет

Применение метода "робинзонады" в экономической науке позволяет совместить в анализе принципы методологического индивидуализма и субъективизма.

Робинзонада – экономическая модель, в которой исключаются общественные отношения и оставлены только отношения обособленного человека с природой.

Карл Маркс в "Капитале", противопоставляя хозяйство Робинзона рыночному хозяйству, считает, что устранение основополагающих противоречий его теоретической системы (между потребительной стоимостью и стоимостью, конкретным и абстрактным трудом) происходит в хозяйстве Робинзона потому, что отсутствует обмен, оставляя вне рассмотрения тот факт, что в рамках экономической системы Робинзона отсутствует проблема ранжирования общественных потребностей.

Развивая идею и перенося отношений "микрокосма" (Робинзона, семьи), где суммарные потребности можно ранжировать как ввиду небольшого количества их носителей, так и по причине относительной схожести мировосприятия, на "макркосм", где подобное ранжирование немыслимо, неотвратно приводит к выводу о необходимости делегирования какому-то из членов общества права определять общественные потребности.

Карл Менгер стоит на иных теоретических позициях, но также обращается к образу Робинзона при анализе категории "ценность". Менгер формулирует ценность как "суждение, которое хозяйствующие люди имеют о значении находящихся в их распоряжении благ", не прибегая к робинзонаде: образ одинокого субъекта не нужен для понимания *сущности* ценности. Иное дело *мера* ценности. Менгер выводит различие в величине ценности благ из познания человеком различного значения, какое имеет для человека удовлетворение различных потребностей – и с помощью "принципа лишения" доказывает, что ценность любой части имеющегося у человека запаса блага определяется значением, которое имеют для него наименее важные из

всех удовлетворений потребностей, обеспеченным всем количеством благ и зависящие от этой последней части.

В своем анализе Менгер стартует с описания потребностей, удовлетворяемых Робинзоном при помощи пресной воды. У каждого человека своя индивидуальная структура потребностей – почему же тогда ни один читатель не ставит под сомнение ранжирование потребностей Робинзона? Да просто дело в том, что каждый из нас, оказавшись в положении Робинзона, был бы поставлен перед главной задачей, на которую была бы направлена любая наша деятельность – задачей выжить. Робинзонада как методологический прием ставит всех нас в одинаковое положение – наши потребности будут ранжированы одинаково.

Применение робинзонады актуально не только с точки зрения методологического индивидуализма, но и с точки зрения субъективизма. В общественных науках мы неизменно интерпретируем действия других людей из аналогии с нашим собственным умом, и способны понимать все меньше и меньше по мере обращения к существам, все более и более от нас далеким. Думается, именно поэтому Робинзон Крузо – "цивилизованный" человек – гораздо лучше подходит для анализа, чем гипотетический первобытный дикарь. Развитие цивилизации должно вести к тому, что Робинзон в восприятии исследователя 19 века должен отличаться от "Робинзона 21 века", но она удачно разрешается, поскольку исследователи читают в детстве роман Дефо.

С точки зрения методологии австрийской школы "объекты человеческой деятельности не поддаются определению в объективных терминах, их можно определить только ссылаясь на человеческие цели" – и поскольку цели Робинзона нам предельно ясны, постольку не возникает проблемы с анализом его поведения.

После Менгера применение образа Робинзона стало еще более популярным, но в духе общей тенденции "объективизации" учения Менгера робинзонада применялась не столь методологически корректно.

Отказ от принципа методологического индивидуализма при переходе к анализу современного общества неизбежно ведет к противоречиям, поскольку наличие у людей различной структуры потребностей не может быть ни учтено, ни взаимосвязано неким единым коллективным разумом.